

Tul_05_008

19.07.2005. г. Тульчин.

Инф.: **Раиса Сергеевна Чернова**, 1934 г.р., род. г. Тульчин

Соб.: С. Н. Амосова, С. В. Николаева

Сторона А

Соб.: И всю жизнь прожили? Не уезжали никуда?

РС: Не считая только вот войны.

Соб.: А, Вы уезжали в войну, да?

РС: Нет, я была в концлагере.

Соб.: А-а... В концлагере, в Печоре?

РС: Да.

Соб.: А чем занимались Ваши родители?

РС: У меня отец был военнослужащий.

Соб.: Он здесь служил, да?

РС: Служил здесь, в сорок девятом кавалеристском полку.

Соб.: Ага.

РС: Здесь вот, где Потоцкий, здесь был пятидесятый, а там где, напротив гостиницы, там сорок девятый кавалеристский полк был. Там он служил. Мама работала на швейной фабрике, мастером цеха. И перед самой войной уже начальником цеха, перед самой войной.

Соб.: Ага. А как звали Вашего отца?

РС: У меня отец русский был. Чернов Сергей Антипович.

Соб.: Ага. А маму?

РС: Цфасман Марьян Писаховна. Но она потом Чернова была.

Соб.: А мама и отец, мама не рассказывала Вам как она познакомились?

РС: Как они познакомились? Э-э, до войны было гулянье по городу...

Соб.: Да, ага.

РС: ...не было ни телевизоров, ни, ни... Кино работало, и радио. Вот. Гуляли по городу. Ну. Мама была очень интересная женщина. Красивая такая, стройненькая. Вот. Ну, отец, мама понравилась ему, познакомились. И в тридцать третьем году они поженились, в Голодовку. Она не очень хотела за него замуж выходить. Вот. Но так как дедушка в тридцать третьем году с голода умер, так она решила выйти замуж, потому что... Он младший командир был, получал паек, вот. И она ради этого вышла замуж за него, э-э... спасти семью.

Соб.: А она не очень хотела выходить замуж за него - почему?

РС: Она не хотела, потому что ей не разрешали родители. Она его любила.

Родители не разрешали – он русский был.

Соб.: А-а, то есть родители были против, все-таки, смешанного брака?

РС: Да.

Соб.: А его родители?

РС: Значит, его родители. Он сам из Братска. Вот. Был он сирота. Его воспитала старшая сестра. Старшая сестра - это моя тетя родная, значит, по отцу. Здесь они жили в Тульчине. Дядя был судьей. Вот. Он был литовец по национальности. И...в общем, отец жил неплохо. Кроме пайка, так как дядя был судьей, так они...

Соб.: Угу.

РС: Они неплохо жили. И мама вышла замуж, значит. Ну она спасла бабушку мою и сестер, помогала им.

Соб.: А вот Ваши бабушка и дедушка, то есть мамины родители – они были против, потому что он русский, да?

РС: Они были против, потому что он был русский.

Соб.: А они были религиозными людьми?

РС: ...у них была любовь, конечно. Ну и да, без сомнения, конечно были религиозными людьми, конечно. Да.

Соб.: Да? А Вы их помните еще?

РС: Нет. Бабушку я только помню.

Соб.: Да, а дедушка в тридцать третьем умер.

РС: А дедушка умер в тридцать третьем, меня еще не было тогда. Мама тогда еще только замуж вышла в тридцать третьем. Вот. А бабушка умерла уже в концлагере. Да... Я ее помню так вот смутно. Вот смутно помню. Она погибла в сорок третьем году.

Соб.: А Ваша мама отмечала вот праздники еврейские?

РС: Обязательно.

Соб.: Да?

РС: Обязательно. Особенно после войны, она вторично в сорок седьмом году вышла замуж за еврея. Вообще все праздники традиционные. Мы говорили по-еврейски.

Соб.: Вы говорили?

РС: Да. И я говорю.

Соб.: Вы говорите на идиш, да?

РС: Да, я говорю на идиш.

Соб.: А вот дома сейчас с мужем Вы говорите на русском или на идиш?

РС: Тут сейчас смешанно у нас: русский, украинский, еврейский.

Соб.: А-а.

РС: Вот. Сын у меня все понимает, но так он говорит плохо, но немножко. Вот, внук у меня понимает, но не говорит совсем. Потому что если раньше, ну после войны особенно, по городу здесь гуляние было, все говорили на

своих языках, кто на каком хотел. Вот. Все говорили на... , евреи говорили на еврейском, русские – на русском. Ну и тоже. Я, у меня все подруги были евреи, все друзья были евреи. Вот, ну и говорили... Если были там где-то на танцах, то говорили по-русски, а по городу гуляли или в компании – по-еврейски. Вот.

Соб.: А, понятно. А вот какие праздники у вас дома отмечали?

РС: Ну, Паску отмечали, Новый год отмечали. Швиес отмечали, Швот. Значит, Песах, Рошашоне, Швиес. М-м... память, я уже забыла. В общем, короче говоря, все еврейские праздники. И брат у меня родился после войны, ему сделали обрезание. Был раввин у нас.

Соб.: Раввин был?

РС: Да, был, в Тульчине. Мама все время меня посылала, куриц он резал. У нас кошерная еда была. Мы придерживались, да, придерживались. Ну, пока, пока был раввин, пока он не умер, вот, пока евреи не выехали из города, здесь чувствовалось, что это местечко чисто еврейское. Евреи конечно занимали весь центр города. Весь центр города занимали евреи. Потому что как-то, потому что у нас базар здесь в центре. Вот. И они старались ближе к базару, потому что ремесленники все евреи были, бондари, сапожники. Второй, отчим мой, второй отец был сапожник. Сидел около базара. У нас дом как раз около базара, рядышком. Вот, у него там будочка была, он сидел ремонтировал обувь. Эти, жестянщики евреи были. И все они селились, даже покупали дома, и не то, что покупали, до войны, у них дома ихние там у кого остались, у кого не остались – то купили, прямо в центре. Значит, вот базар, вот улица, прямо проходите вдоль этой улицы, были, и все эти ремесленники, и все евреи, ни одного русского.

Соб.: Угу, а вот скажите, еврейские дома – они были какие-то особые или...?

РС: Они, да. Они отличались своими пристройками, верандочкой. В общем, вот эти полуподвальные помещения, обязательно эти полуподвальные помещения были, выход сюда, на улицу и там ремесленники занимались. Кто – жестянщик, кто- бондарь, кто...

Соб.: То есть это после войны еще так и было?

РС: После войны еще было, еще долго после войны было. Это пока не началась эта, перестройка вот эта, когда вот началась неразбериха вот эта. Открыли дорогу на Израиль, так почти все туда повыезжали.

Соб.: Ага, понятно. А вот обстановка в еврейском доме, вот мебель там – она была особая?

РС: Ну как сказать? Да, да. Она была особая.

Соб.: А вот Вы помните свой дом?

РС: Конечно я помню.

Соб.: А какой он был?

РС: Ну, до войны, этот дом не сохранился, его разобрали во время войны, мы жили на Капцановке. Вы уже наверное слышали, что такое Капцановка? Это где «капцонас» жили - бедняки.

Соб.: А-а! Ага.

РС: Да. Вот. Мы жили там. Когда моя мама вышла замуж, мы еще жили здесь в центре города, по улице Кирова, это самый центр. Тут от воинской части дали квартиру. Вот. Так я помню тот дом. Значит, вот как заходишь. Дедушка был, был балагулом, извозчиком. Так я-то его конечно не помню, он конечно умер до моего рождения, но дом этот сохранился и весь вид сохранился. Значит заходишь – большая дверь была, куда фаэтон заезжал. Это типа ворот, но это не такие ворота, как в гараже, чуть поменьше. Вот. Значит, потом это был большущий сарай.

Соб.: Угу, угу.

РС: Вот. Следующая комната была – это кухня. Крестьянская печь была в углу, здесь стояла кровать, стол большой, обеденный. И табуретки. Дальше была комната, где жили. Значит по центру стояла моя кроватка маленькая, сделана э-э...руками, такая самодельная. Дальше тоже кровати, железные. С такими, э-э...никелированными такими штучками.

Соб.: Ага, понятно.

РС: Вот. И диван. Диван. Спинка высокая, зеркальная спинка была наверху. И здесь такие две как шарики, и тоже табуретки. Вот. Такая мебель была до войны.

Соб.: А вот у Вас буфет был?

РС: Ой, обязательно. Я забыла. Буфет обязательно.

Соб.: Буфет был обязательно?

РС: Это, это во всех еврейских домах был буфет. Это как, как красота была. Там выкладывались всевозможные эти, фигурки, чашечки. Вот такое, украшение такое было.

Соб.: А их кто-то делал, буфеты эти, здесь их делали?

РС: Их тут делали, но вот у нас был видно не деланный, потому что он был крашенный, ну не так как... После войны у нас был точно такой же был дома, точно такой же был дома у нас буфет. Это видно были фабричные. Значит такая тумба большая, тут стояли кастрюли, тарелки большие, такое все. Дальше, из этой тумбы вытягивалась такая досточка, на которой все разде..., разделочная доска была. Сверху стояла застекленная, на таких двух, значит, как бы, тоже из досок сделана. И тут застекленное все. Значит, между этим застекленным и этой тумбой был тоже, был промежуток. Вот, ну там когда выпекали хлеб, там ставили, накрывали полотенчиком красиво. А здесь за стеклом вот это было, тоже оно было, интересно. Серединка была пошире, пониже, а эти боковые, боковушки были повыше, и это все застеклено.

Соб.: Ага.

РС: Красивый был буфет очень. Были обязательно буфеты, это в обязательном порядке в каждом доме были.

Соб.: Ага. А вот, как Вы отмечали, например, Пасху?

РС: Э-э... У нас тут значит была бригада женщин, и ни пекли пасху, раньше ни откуда не привозили. Тогда нигде не делали ее, ее просто тут выпекали. И каждый год мама со мной или вот с отчимом, дома брали два таких вот мешка, покупали. Два мешка простых.

Бабки. Освежали пасху. Бульон обязательно с мацёй.

Соб.: А как это «освежать пасху»?

РС: Значит, как мы освежали. Ломали на кусочки так как на бабку, так, сливали воду, смешивали с яйцами. Вот. И так кусочками кидали на сковородку, и так. Вперемешечку. Булочки делали. Очень вкусно. Рыбу фаршировали. Мама к Пасхе, на Пасху на столе была рыбка, и яйца были на столе (*с понижением тона*).

Соб.: То есть э-э... в смысле крашеные? Нет?

РС: Боже сохрани!

Соб.: Просто яйца!

РС: Просто яйца, да. Варились. Э-э... Иногда она, значит, как делала? Делала с луком такой салат. Яйцо вареное с луком.

Соб.: А вот говорили что-нибудь, что какое-то блюдо что-то значит?

РС: У нас этих блюд не было. У нас этих блюд не было.

Соб.: То есть Вы такие блюда не делали?

РС: Нет. Такие не делали. Хрен в обязательном порядке был на столе, вот, рыба была, салат яичный был на столе. Обязательно бульон с новой мацой, куриный. Это в обязательном порядке.

Соб.: А вот не говорили, почему праздник Пасхи появился, не рассказывали?

РС: Мама рассказывала, почему она не рассказывала. Она все рассказывала.

Соб.: А что она рассказывала?

РС: Она рассказывала избавление от... [*пауза*]

Соб.: А вот мама с Вами на идиш говорила?

РС: Да.

Соб.: То есть она и рассказывала Вам все на идиш?

РС: Да.

Соб.: А что за избавление?

РС: Избавление от рабства египетского.

Соб.: Угу. Понятно. А мама что-то читала или как?

РС: Мама не читала. Тогда не было ни книг, ничего. Своими словами она могла произнести молитву. И все. Вот. Мама у меня закончила семь классов еврейской школы. Мама писала, читала. Ну не было с чего читать. То есть не

было никакой литературы, ничего. Э-э...это Судный день еще мы отмечали. Я по сей день отмечаю его. Это как закон, и мой сын. Вот, муж после инфаркта я ему не разрешаю, я боюсь, а сын и я, мы постоянно Судный день отмечаем.

Соб.: А как?

РС: Не едим.

Соб.: А то есть надо не есть целый день?

РС: Целый день, да. То есть мы накануне с вечера ужинаем, вот. И я там готовлю тоже курица, тушу капусту на сливочном масле такую, рыбу. И на следующий день, тогда уж вечером, когда первая звездочка появляется, тогда мы садимся все есть.

Соб.: А вот Вы помните, чтобы на какие-то праздники ходили в синагогу или уже синагоги не было?

РС: Дело в том, что было до войны— я не помню, а после войны у нас это преследовалось. Но ходили на квартиру. Ну, договаривались. Ну это в праздники только, в той квартире договаривались, а там где-то в той квартире. Вот.

Соб.: А, ага.

РС: Собирались, собирались. И мама моя ходила, с отчимом обязательно они ходили. Вот. Дело в том, что милиция гоняла, поэтому они меняли квартиры. Каждый раз на другой квартире встречались и там молились.

Соб.: Угу. А вот, а молились женщины отдельно?

РС: Да, да, да, да. Отдельно молились мужчины, отдельно – женщины. Это я помню. Это была и мама у меня.

Соб.: А вот Судный день почему так называется?

РС: Ой, я уже забыла (*смеется*).

Соб.: Угу. А Вы само его обычно как называете? Судный день?

РС: Я так называю. Судный день.

Соб.: Понятно. А Вы сами о каком празднике больше всего помните? Вот какой праздник важнее?

РС: Ну как, больше всего, ну вот это... Я в основном, значит, Пасху, Новый год, Судный день - вот этого придерживаюсь. Остальные так, бегло.

Соб.: Угу. А Новый год – это, какой?

РС: Рошашоне.

Соб.: А как Вы его отмечали?

РС: Дома, дома отмечали. Тоже все готовится, вкусное, красивое. Рыбу обязательно, перец обязательно. В обязательном порядке.

Соб.: А отмечали ли сукот?

РС: Сукот отмечали, отмечали, да. Мы отмечаем сукот, но только мы собираемся. Собираемся в общине.

Соб.: А-а, ага. В общине. А вот какие вот праздники были веселые, были какие-то праздники, которые были особо веселые? В которые гуляли как-то особо?

РС: Э-э-э... С трещотками, я забыла.

Соб.: С трещотками?

РС: Вылетело из головы. Да, уже память подводит. Семьдесят один год, уже понимаете, может подвести. А, Господи... Ну, вылетело из головы, вылетело из головы.

Соб.: С трещотками, значит, какой-то праздник, да?

(продходит соседка)

Соб.: А вот вообще музыканты были?

РС: На Новый год мы тоже собираемся в общине, музыканты есть.

Соб.: А вот в послевоенное время сразу музыканты были еще?

РС: Клезмеры

[пауза]

Соб.: Клезмеры были, да?

РС: Были, да. Были, и даже свадьбы еврейские были.

Соб.: А как, как, как устраивали свадьбы?

РС: Как устраивали я не помню, как. Я помню, что хьюпе делали. Я помню, что вот где сарай сейчас, вот тут жила семья одна. Была огромная комната. Ее часто снимали, вот эту комнату под свадьбу. Так я была когда-то на такой свадьбе, но еще совсем ребенок была. Я помню что, я знаю, что вот говорили «хьюпе», «хьюпе», а вот не помню как оно все происходило.

Соб.: Что такое «хьюпе»?

РС: Ну это как венчание у украинцев.

Соб.: А то есть как венчание? Ага.

РС: Да. Хьюпе, это как вечание.

Соб.: А вот Вы сказали хьюпе делали – это как-то по особому...?

РС: Да, по особому. Это вот подымали над ними какое-то, ну тогда простынь была. Это, может, не надо было, может, что-то другое надо, но после войны там же не было у людей того, что надо. Вот. Что-то над ними подымали, молитву там произносили. Я помню, что красиво было. Я стояла сбоку, наблюдала. Это один единственный раз я видела такое. Вот.

Соб.: Вот на свадьбе этой?

РС: Вот это свадьба, значит. И клезмеры играли там. В обязательном порядке была скрипочка, барабан, труба. И больше, флейта была еще.

Соб.: А много их было?

РС: И все. Четыре человека.

Соб.: А Вы их помните?

РС: Помню я барабанщика.

Соб.: Барабанщика? Как его звали?

РС: Барабанщика помню. Высокий красивый мужчина. Как его звали? Я уже забыла. Как же? Может быть, сейчас муж подойдет, он напомним, он тоже его знал. Вот. Вообще музыка была бесподобная. После войны еще у нас в кино играл на скрипке перед началом фильма тоже один еврей, как его?

Чудиновский его фамилия. Чудиновский. Он играл перед сеансами каждый день, так люди приходили специально пораньше, чтобы его послушать.

Соб.: Угу, понятно. А Вы сами поете что-нибудь?

РС: Или по-еврейски я пою?

Соб.: Ну как...да?

РС: Немножко я пою.

Соб.: Да? Это очень интересно, потому что вот у нас тоже есть... Есть люди, которые знают много песен.

РС: Есть, и мама у меня тоже очень много песен знала. Очень много знала. Всегда она пела, у нее голос хороший был. Она работала на швейной фабрике, там даже играла на какой-то. Мне что передалось? Пока была маленькая, я знала и песни эти, я все знала. А потом как школа, училище, отошла от этого. Вот.

Соб.: А может Вы нам что-нибудь споете, если несложно?

РС: Нет, не-е-ет. Нет, я не могу.

Соб.: А тогда может быть мы придем с Митей и попробуем вместе? Если мы, Митя просто очень хорошо поет.

РС: Я просто уже не помню слов.

Соб.: Может он Вам что-то напомним, а Вы ему тоже что-то расскажете?

РС: Кто, кто?

Соб.: У нас есть мальчик. Он очень хорошо поет. Он занимается именно музыкальными вещами. Вот. Это очень интересно.

РС: Я же все позабывала, все позабывала.

Соб.: Это очень интересно, конечно. Но вот возвращаясь к Рошашоне. Вы помните как отмечали у Вас дома Новый год?

РС: Дома, я ж говорю, как отмечали. Готовила мама еду, мы сиделись всей семьей. Вот. Мама там своими словами и отчим там своими словами, и значит, молитву все говорили и мы сиделись ужинать. Вот. Это был праздничный ужин.

Соб.: А тогда тоже специальная какая-то была еда?

РС: Обязательно курица была, в обязательном порядке. Обязательно фаршированная рыба была, в обязательном порядке.

Соб.: Угу. Ага. А вот а, может быть пекли какой-то хлеб специально или что-то?

РС: Она пекла «бойме бейклис» называлось.

Соб.: Как?

РС: **Бойме бейклис**. Это значит как перевести по-русски? Это...

Соб.: Булочки, да?

РС: Масляные булочки. Масляные булочки. Ну, лейкех обязательно на праздник.

Соб.: Что-что-что?

РС: Лейкех, обязательно.

Соб.: А, лейкех.

РС: Вот. Мама пекла. Вот. Потом мама пекла эти «умен ташис» на какой-то праздник. Эти, «Амановы уши».

Соб.: А, ага. А почему они так назывались? Я уже слышала просто «Амановы уши» и вот?

РС: Ну, Аман – царь был. Я знаю. Это тоже я не помню уже все.

Соб.: А она пекла их и именно так они и назывались, да?

РС: Она не, они назывались я уже сказала как «умен таш»

Соб. Да, да.

РС: Лейкех она пекла значит **кор... (нрзб.)** медовый, медовик. И белый. Белый и темный, их называли значит темный, но темный это медовик.

Соб.: А вот на Рошашоне выт Вы помните, говорят, что нужно избавляться от грехов. Вот пойти к воде или что-то такое...?

РС: Нет, я не помню.

Соб.: Не помните? Не рассказывали? То, что называется вот ташлих?

РС: Не помню.

Соб.: Ага.

РС: Мама давно умерла. Я не помню. Старики много знают. Вы не были у Юрковецкого?

Соб.: Нет, нет.

РС: Не были у Юрковецкого? Вот Юрковецкий Нисен, ему восемьдесят шесть лет, вот он много помнит, очень много помнит.

Соб.: Да, а где он живет?

РС: По Ленина, недалеко от Белого дома. Ленина, Ленина, по-моему, четырнадцать. И Спектор Дора. Спектор Дора. Там же, Ленина четырнадцать. Вот. Он в таком возрасте, и память у него феноменальная. Я уже того не помню, что он помнит.

Соб.: А вот у Вас мама какие-нибудь там... Вот у Вас дети появились, когда мама еще была?

РС: Да. Да. Да.

Соб.: А вот она вот какие-то приметы вот говорила там, когда вот Вы беременная были? Там?

РС: Да, говорила.

Соб.: Говорила? А какие? Что-нибудь там нельзя было делать?

РС: Обязательно. Много, она мне на ходу все. Это делай, это нельзя. Это...э-э-э...не смотри туда. Вот особенно на огонь не смотри.

Соб.: На огонь не смотреть?

РС: Да, вот нельзя было смотреть. И если пугалась, не хвататься за лицо, ни за какие части тела, потому что будут родимые пятна у ребенка.

Соб.: Пятна?

РС: Красные пятна будут где-то. Да, где-то на теле ребенка. И это тоже говорила. Да. А потом когда я родила, она мне вот эти (нрзб.) купила специально, чтоб я их ела. Она кулиши мне варила, чтоб молочко было, на молоке кулиши.

Соб.: Кулиши – это как?

РС: Это, значит, она брала крупу, молола ее помельче и на молоке такую болтушку делала.

Соб.: А, ага.

РС: Называется кулиш. Она меня этим. У меня было достаточно и без этого молока, но надо было. Раз она сварила – надо было съесть.

Соб.: А вот не говорили, что когда, например, беременная что-то просит – ей нельзя отказывать?

РС: Обязательно. Обязательно.

Соб.: То есть говорили, да? А если отказать вот – что будет?

РС: Да. Если отказывают, значит, то у того, кто отказал вроде мыши погрызут.

Соб.: Мыши погрызут?

РС: Да, мыши погрызут какие-то вещи.

Соб.: А-а. А почему мыши?

РС: Это предание идет еще с древности. И вот мне кажется, что старики так делали. Почему именно.

Соб.: Да? А вот у Вас специальных амулетов каких-нибудь мама для Вас не делала, когда Вы беременны были?

РС: Булавку подкалывала.

Соб.: Булавку подкалывала? Это что, для чего?

РС: От сглаза.

Соб.: От сглаза?

РС: Да.

Соб.: То есть беременную как-то легко можно сглазить?

РС: Очень легко.

Соб.: Да?

РС: Очень, очень легко. Беременные вообще ранимые.

Соб.: А кто-то конкретный может или любой человек?

РС: Нет, есть люди, которые э-э... умеют это делать. И потом она мне еще подкалывала, когда вот кормила, подкалывала. Она подкалывала мне красную тряпочку всегда.

Соб.: А, красную тряпочку.

РС: Да. Это, чтоб молоко не пропадало. Потому что есть такие люди, которые посмотрят и все. Потом, когда я уже отлучала ребенка, вот, у меня очень прибыло много молока, я страшно мучалась. Я говорю: «Мама, ведь опять покормить?» Она говорит: «Ни в коем случае - у него будет очень плохой глаз».

Соб.: А-а, то есть нельзя опять кормить!

РС: Да, да. Вот, так я, так я тогда сцедила до, до основания, и так она перевязала меня плотно, и так я перемучалась тогда.

Соб.: А то есть если покормил, потом...?

РС: Если покормила и отлучила, то пусть. Уже сутки не кормила, молоко-то прибывает, вот. Боль бешеная, так многие возвращают. Покормят ребенка, потом плотно увязываются. Вот у этого ребенка обязательно плохие глаза.

Соб.: Да???

РС: Да. Это такая примета, да. Ну, это не то, что примета, это и есть так, и есть так.

Соб.: А вот может быть Вам говорили, когда Вы были беременны, есть ли какие-нибудь признаки, по которым можно определить мальчик это будет или девочка?

РС: Э-э... мне определяли. Если, говорили, животик остренький – значит девочка будет. Вот.

Соб.: А, понятно.

РС: Лицо если чистое – мальчик. Если нет пятен.

Соб.: А если вот женщина много спит, если она беременна, - это значит что-нибудь? Если ей все время хочется спать?

РС: Спать хочет?

Соб.: Да, да-да.

РС: Во время беременности очень часто так бывает, очень часто так бывает. Но это на плод не влияет.

Соб.: Не влияет? А не говорят, например, что вот это связано, ну с тем, что девочка будет, например, или мальчик?

РС: Да нет. Нет. Есть такие, что по ночам (я же акушеркой работала, я знаю), по ночам вставали кушать, вот и рожали кто девочку, кто мальчика.

Соб.: Понятно. А вот, а что считается или для Вас считалось большим благословением – девочка или если мальчик родится?

РС: Как-то больше хотела мальчика.

Соб.: Больше мальчика?

РС: Больше мальчика.

Соб.: А почему?

РС: Ну, защита, опора в будущем.

Соб.: А вот Вы говорили, что брату делали обрезание, а Вы не помните как это делали, как это происходило?

РС: Меня выгнали. Меня выгнали (*смеется*).

Соб.: А где делали?

РС: Здесь в Тульчине. Дома, прям дома. Прямо дома.

Соб.: Каких-то, каких-то людей специальных приглашали, да?

РС: Обязательно. Мужчины были.

Соб.: Только мужчины?

РС: Мужчины были. Я помню, что женщины сидели в первой комнате, а там, где все это делалось, были одни мужчины. Они молились, вот, и там я помню, я заглянула, видела, как отец держал его на руках. А потом уже меня пустили, так брат лежал, лежал в слезах и такая повязочка у него на пенисе была. А потом ему делали ванночки. Это я уже видела. С марганцовочкой промывали.

Соб.: А был ли человек специально, который держал его в этот момент на руках?

РС: Был, но я, я говорю, меня выгнали.

Соб.: А не говорили там, почему... родственник может держать или нет, или мама? Почему женщин не пускают?

РС: Нет, мама тоже, по-моему, стояла под дверью. Да, стояла под дверью. Меня-то на улицу выпихнули (*смеется*).

Соб.: То есть, а вот мама, она как бы хотела это сделать, она отдавала ребенка спокойно?

РС: Она хотела. Спокойно. Это было решено, как он родился, это было решено. Дело в том, что у моего отчима было девять детей, и они все остались в Печоре, вместе с женой. Вот. И когда родился этот мальчик, он все для него. Он был для них как это вот... В общем, он его полностью, по еврейскому закону, вот.

Соб.: А вот Вам мама не говорила, когда Вы беременны были, что нельзя ходить в гости к неевреям?

РС: Нет. Этого не было.

Соб.: А вот вообще как относились, когда выходили замуж или женились не на евреях? Это нормально воспринималось, спокойно?

РС: Абсолютно. До войны тут очень девушек много замуж выходили за русских, именно вот в этот период, когда вот, тридцать третий год, тридцать четвертый, тридцать пятый, вот в этот период. Очень много.

Соб.: А за военных именно?

РС: Именно за военных, именно за военных.

Соб.: А вот, а Вы знаете, может быть, или мама Вам говорила, что беременной нельзя на что-то смотреть, иначе там ребенку что-то будет, какие-то родимые пятна. А вот какие-то истории вот она такие рассказывала?

РС: Это нет. Она просто мне рассказывала примеры, что вот там-то было вот-вот, а она испугалась и схватилась за лицо, и вот у девочки-то мышка на лице.

Соб.: А мышка вот, прямо как мышка?

РС: Э-э, ну два такие пятнышка овальные. Вот. Было такое. У другой тоже было на лице пятно красное. Она тоже взяла и так, смотрела на огонь.

Соб.: Это вот можно было даже как-то определить? Или там было известно отчего?

РС: А почему на огонь нельзя смотреть – огонь вспыхивает. Огонь же пугает, и поэтому.

Соб.: А, ага. А вот колыбельку как делали для ребенка?

РС: Как делали?

Соб.: Ага.

РС: В смысле деревянную?

Соб.: Да.

РС: Деревянная, обыкновенная. Был такой мастер, который делал такие значит. Выгинали, деревянные такие штучки.

(подходит муж)

Миша, иди сюда. Как звали этого, что играл на барабане у нас? На барабане что играл? Этот высокий-то был, красивый?

Муж: Где на барабане, у кого?

РС: Ну, это, музыка еврейская была. Как его звали?

Муж: А-а, Пиня.

РС: Пиня.

Соб.: А он вот только этим занимался или чем-то еще?

РС: Нет, еще что-то там у него, но это обязательно.

Муж: Так его и называли Пиня, Пиня-барабанщик.

РС: Пиня-барабанщик, да. И Чудиновский на скрипочке играл. Он на флейте я не помню кто играл, и на трубе тоже. Я не помню уже имена. Это Юрковецкий, наверное, помнит, вам к нему обязательно надо сходить.

Соб.: Хорошо, да. А вот эти родимые пятна, которые у ребенка, оно так и называлось «мышка»?

РС: Говорили «флэк».

Соб.: Флэк?

РС: Да, флэк. Пятно. Да. А мазл, говорили.

Соб.: «А мазл» говорили, да?

РС: Да, а мазл говорили.

Соб.: А вот, а у Вас было такое что вот, благословение свечей, когда вот, в Субботу, если вот, добавляли ли беременной свечу еще одну?

РС: Что-то я не помню. Это старики помнят.

Соб.: А если женщина беременная, она должна какие-то вот заповеди?

РС: Не, единственное, что она должна – за собой смотреть. Чистенько надевать. От кого-то ничего не одевать, вот, особенно нижнее. Только свое, чтоб было. Моло..., после родов, значит, молоко не выливать на улицу. Не отдавать ни котам, ни собакам, а все в баночку, в баночку. И купать его в этом, значит. Добавлять в воду свое молоко, чтоб не пропадало.

Соб.: Чтоб не пропадало?

РС: Да. Так я всегда сцеживала, в баночку, и его купала.

Соб.: А, понятно. Ясно.

Соб.: А вот может быть Вы помните... Ну, наверное, уже были роддома после войны или еще были повитухи?

РС: Конечно. Роддом. Роддом, да.

Соб.: Повитух не было уже?

РС: Повитуха была до войны. Кстати я еще с ней э-э... успела поработать немножко. Блиндер Адель Лазаревна. Блиндер Адель Лазаревна. Ее всегда возили на бричке, вот, к этим, к роженицам. И была еще такая Залкина. Залкина. А как же звали я не помню. Залкина. С Блиндер я еще немножко работала.

Соб.: А она работала уже в роддоме?

РС: Она уже работала в женской консультации.

Соб.: В женской. Да. А она была медик?

РС: Она была, да, она была акушерка. Но она была повитуха. Вообще-то повитухой она была до войны. Она значит принимала роды дома.

Соб.: Вот были ли пожилые женщины именно повитухи или нет?

РС: Ну она с молодых лет была повитуха.

Соб.: А-а, с молодых лет.

РС: Да. Она была одна тут.

Соб.: А вот пуповину как-то особо обрезали или как-то уже в больнице вот не было?

РС: Э-э... Пуповину обрезали обычным путем, обычным путем.

Соб.: А если, ну вот маленькие дети совсем умирали, то вот как хоронили, что делали?

РС: Э-э, заматывали в саван, до войны. И хоронили на еврейском кладбище.

Соб.: А ему давали имя, вот этому ребенку?

РС: Нужно давать обязательно. Конечно давали.

Соб.: Угу. А вот роженице после родов что-нибудь давали особое?

РС: В смысле?

Соб.: Ну вот еду или питье?

РС: Сразу после родов?

Соб.: Да.

РС: Сразу после родов ей могли дать только попить что-то, а потом через пару часов молочное.

Соб.: Да?

РС: Да.

Соб.: А вот принято было, чтобы вот там акушеркам, вот повитухам что-то дарить?

РС: Дарили.

Соб.: Дарили, да? А вот что-то специальное или кто что мог?

РС: Дарили. Нет, кто что мог, кто что мог. А время было до войны такое, что специальное не могли взять. Вот.

Соб.: Именно родители ребенка или какие-то родственники?

РС: Родители ребенка. И после.

Соб.: А вот есть такое, что вот чем меньше знают. Чем меньше народа знает, что она беременна – тем легче.

РС: Да, да.

Соб.: А почему?

РС: От сглаза.

Соб.: От сглаза? Или что вот ей будет легче рожать?

РС: Именно это от сглаза. Конечно.

Соб.: То есть если много народу знает, они сглазят, да?

РС: Старались, да. Старались, чтоб меньше. Я уже, как говорится, уже в советское время была беременна, уже тогда нет, тогда нечего. Работала. Была на виду у людей.

Соб.: А вот если роды тяжелые были обычно, то вот что делали? Были какие-то такие?

РС: Ну, что? Помогали. Много была смертность.

Соб.: А вот там, какие-то народные, ну я не знаю?

РС: Выдавливали, э-э...простыней **давили**. Молитвы шептали.

Соб.: Молитвы шептали? А какие молитвы?

РС: Ой, я не знаю какие, какие-то. Ну, шептали какие-то молитвы. Чтобы быстрее разродиться. Стояли под дверью, под окнами и все просили Бога.

Соб.: Под дверью это открывали или?

РС: Нет, стояли. Слушали это. Как она, как она там кричит. Чтобы легче было родить, молились.

Соб.: Угу. А читал кто молитву?

РС: Там, где она рожала – родные. Ну, остальные могли быть. Ну чужие, могли быть и соседи.

Соб.: А есть ли такое, чтобы открыто все было? Чтобы открыть там двери какие-то, замки открыть?

РС: Беременная, беременная, когда у нее еще не начались роды, с нее снимали сережки, снимали кольца, снимали все то, что...

Соб.: А такое, кругленькое, да?

РС: То, что имеет замки. Чтобы она могла свободно родить. Кстати, и сейчас придерживаются этого некоторые. Тоже снимают, оставляют там кольца, серьги, бусы там...

Соб.: А вот когда ребенка можно первый раз пеленать?

РС: Как когда? Сразу можно.

Соб.: Сразу же, да?

РС: Конечно.

Соб.: А вот когда колыбельку сделали, в нее сразу ребенка можно класть?

РС: Кошку.

Соб.: Кошку сначала?

РС: Да. Покачать сперва кошку. Как и в коляске. Покачать кошку, а потом ребенка.

Соб.: То есть покачать именно?

РС: Да.

[звонит телефон. Пауза]

РС: ...значит с двух сторон...

Соб.: Есть, ну вот что-то это значит, если ребенок вперед ножками?

РС: Это много значит, конечно, конечно это много значит, если вперед ножками. Так, э-э, сейчас считают, что вроде нет патологии, но вообще это патологическое. Дело в том, что ножки ведь меньше места занимают при выходе, чем головка. Ножки могут родиться, и головка застрять, если еще ручки идут вверх.

Соб.: А, ага.

РС: Так что считается это патологические роды. Ну это теперь, а ведь до войны очень много смертности было из-за того, что неправильно плод вышел. Вот. Вот повитухи могли развернуть допустим, если очень опытная она могла развернуть прям на животе. И стараться, она шла, головка, и ее подталкивали, подталкивали или вперед, смотря где она. Ниже – значит сюда, если выше – значит ее туда подталкивают. Помогают, помогают рожать.

Соб.: А...

РС: За ножки подтягивают, немножко так стараются там руками, ручками помочь. Помогают.

Соб.: А вот были какие-то приметы, вот ребенок только родился, а повитуха уже могла сказать: «Вот счастливый там родился» или ну вот как-то?

РС: Вот примета такая: если оболочка осталась на грудке ребенка, то есть в рубашке родился, то это говорят очень счастливый. Родился в рубашке.

Соб.: А вот еще какие-нибудь там, или ну не знаю?

РС: Если родился и сразу пописал – тоже хорошо.

Соб.: А тоже хорошо, да? Ага. А вот перед тем как в колыбель укладывали туда клали кошку, да?

РС: Да, раньше кошку покачать надо, да. А когда кошка выскакивала, она пугается, и потом ребенка.

Соб.: А что-то сказать не надо?

РС: Ничего. Ничего.

Соб.: Просто так? А вот?

РС: Да. Да. Обязательно, обязательно ножнички под подушечку положить.

Соб.: Ножницы? А зачем?

РС: Тоже от сглаза, от злого...

Соб.: А что-то еще вместо ножниц?

РС: Булавочки подкалывают ребенку под рубашку, под пеленочку, под рубашку, туда подкалывают. Вот.

Соб.: А это сразу или...?

РС: Сразу. Красные тряпочки тоже.

Соб.: Красные тряпочки?

РС: Много, много есть таких примет. Очень много.

Соб.: Угу. А вот, а когда ребенка в колыбель укладывают первый раз не зовут ли детей там?

РС: Нет.

Соб.: Не звали в гости?

РС: Нет, нет. Ну, может быть где-то и делали это, но лично у меня этого не было. Вот. Мы все были. Вот. Кота кинули в колыбельку, покачали, кот убежал, выскочил. Ребенка потом.

Соб.: А если ребенок, например, грудь не берет, что-нибудь делают такое?

РС: Надо заставить взять.

Соб.: Надо заставить взять?

РС: Надо заставить взять. Вот. Сейчас-то много вот способов, накладные, накладки эти делают. Это искусственно переводят. Но в мое время мы старались научить ребенка сосать. Я когда родила, я родила седьмого числа, а девятого числа родила моя подруга, у нее сын ее не брал грудь. Ни в какую. Так я его кормила три дня – он научился брать сосок в рот. Когда она значит его взяла, вот, я помогла, конечно, положить сосочек ему в рот, и он стал сосать у нее. Но три дня первые, которые я его кормила, он [цедил](#).

Соб.: У, понятно.

РС: Надо научить, надо научить. В будущем будете знать, что надо научить ребенка обязательно.

Соб.: Угу, да. Я если вот, например, у женщины не было молока, кормилицу приглашали или как-то?

РС: Нет, если не было молока, переходили на искусственное питание. Но кормилицу, конечно, если уж была такая возможность, то брали. Если была такая возможность. Но такая возможность не, не всегда была, потому что, например, не хотели. Считали, что если чужого ребенка кормит, значит этому будет что-то плохое, что-то, говорят, с этого ребенка заберет что-то плохое.

Соб.: М-м...А, то есть вот...!

РС: Не хотели, да. Отказывались. Вот. А так, то переводили, немножко подкармливали чем? Булочку парили в чае, в молоке, молоко обязательно, цельное не давали, кашку манную варили сорок минут. Вот, пополам с водой, наполовину – молоко, половину воды, чуть-чуть сахарку. Много сахару не давали, потому что тоже вредно это.

Сторона В

Соб.: А вот Вы говорили, что помните как Вашего брата обрезали?

РС: Ага.

Соб.: Не помните, вот что-то специально до обрезания может быть делали, готовились как-то?

РС: Ну мама готовилась к этому периоду очень долго. Вот. Она себе заранее заготавливала еду. И тоже пекли, **бейклис** она пекла. Вот. Она заготавливала себе крупу. Сейчас это много, есть кругом, а тогда это надо было доставать все. Манку доставала тоже. Готовила все. Вот такое приготовление было. И готовилась к родам. Как она готовилась? Она гуляла, она старалась тяжести не подымать, **правда, полы она старалась мыть**. Почему? Чтоб э-э, чтоб легче рожать.

Соб.: Чтобы двигаться?

РС: Ага. Вот.

Соб.: А вот дарили, ну, не знаю, в советское-то время уже не дарили, ну, например, на какие-то моменты жизни ребенка, когда он уже побольше становится, все равно повитухе еще дарили подарки, да? Так было?

РС: Нет.

Соб.: Нет, не было?

РС: Нет, ей уже ничего не дарили. Это ему дарили, **малому**, приходили.

Приходили проведать, каждый нес что-то

Соб.: А, угу.

Соб.: А вот имя как выбирали, как-то специально?

РС: Имя, обязательно... мой брат назван в честь моего деда, который умер в тридцать третьем году. Вот. Мой сын назван в честь моей бабушки.

Соб.: Ага, то есть сын, сын в честь...

РС: Бабушка у меня Сура была, Сура, а он Саша.

Соб.: А то есть не обязательно вот, чтоб целиком, можно просто как-то...?

РС: Нет, необязательно. Необязательно.

Соб.: А как надо?

РС: Обязательно, чтобы, чтоб было значит имя... Вот, например, у меня племянница, вот у брата девочка, она названа и по маме, и... по моей маме и по отчиму. Вот. Она названа Марьяна. Марьям – была моя мама, а Нахман – был отчим. Вот «Марья» и «На».

Соб.: А, ага, понятно.

РС: Два имени здесь.

Соб.: А вот там важно, чтобы ну вот мальчика называли, скажем, по бабушке именно, а там, а девочку вот...?

РС: Нет, нет-нет.

Соб.: Нет? То есть вот мужское имя...?

РС: Нет, это за кого там... за кого хотели.

Соб.: За кого хотели?

РС: Но обязательно кто-то из рода должен.

Соб.: А было так, чтобы там, ну вот так же как родителей звали?

РС: Я, например, названа в честь маминой двоюродной сестры. Рейза ее звали, я – Рая.

Соб.: Угу, понятно.

РС: Вот. Обязательно, чтобы была хотя бы заглавная буква.

Соб.: А то есть вот, заглавная буква, да?

РС: Хотя бы заглавная буква, если, если больше букв не вмещается просто, то хотя бы одна заглавная.

Соб.: А вот говорили, например, а нужно вот, можно по живому называть или только по умершему?

РС: Только по умершему.

Соб.: Только по умершему? По живому нельзя?

РС: Нет.

Соб.: А почему вот так не говорили?

РС: Потому что он умрет раньше срока.

Соб.: А, **ребенок** умрет раньше срока...

РС: И то, и то говорили, что по мертвому – но только по старому, не по молодому. Если умер молодой, значит нельзя.

Соб.: По нему нельзя, да?

РС: Нет. Мала так тоже может прожить до его возраста и тоже вот умрет.

Теперь я это знаю, и оно сбывалось, такое было (нрзб.)

Соб.: А вот по старому, а не говорили, ну вот, почему так надо? Что что-то происходит, ну там, у него судьба будет такая, ну как-то вот...?

РС: Ну, да-да. Вот так говорили значит, сели по молодому. А, по старому если?

Соб.: Да.

РС: Нет, по старому это ничего, все должно быть хорошо.

Соб.: А, ничего?

РС: Да.

Соб.: А вот не говорили, ну там, что вот на том свете с этим человеком что-то будет? В честь которого назвали?

РС: В честь которого назвали? Ему хорошо будет на том свете.

Соб: Хорошо?

РС: Да, потому что имена, обычно имена давали за хороших людей.

Соб.: Угу.

РС: Не давали, если, ну там допустим, вор или бандит, его именем никто не называл. Вот. Называли именно, вот у меня дедушка, он был верующий, хороший был, и в честь его назван мой брат. И бабушка у меня то же самое, в честь бабушки я назвала сына. Вот.

Соб.: А вот, если ребенок ну, больной или слабенький...

РС: Рождается так?

Соб.: Да, вот его как-то специально может быть называли, или какие-то специальные имена старались давать?

РС: Ему давали имя тоже старика, здорового, крепкого, верующего. Старались как-то вот.

Соб.: Ну да, конечно. А вот не было такого, чтобы второе имя давали ребенку?

РС: Бывало. Было так. Бывали, что (нрзб.) так и называлось.

Соб.: А второе имя, вот оно зачем?

РС: Ну, просто называли вторым именем, но оно не употреблялось в дальнейшем.

Соб.: То есть просто так называли вторым именем, да?

РС: Да, да.

Соб.: А оно ни с чем не связано или как-то вот?

РС: Ну, его пока он маленький так его называют, а подрастает как-то оно теряется.

Соб.: То есть «детское» такое имя?

РС: Нет, нет, ну просто оно терялось со временем. Двойные имена тогда ж не писали в паспорте и в метриках, не писали.

Соб.: А детей вообще может быть как-то называли? Ну вот, всех маленьких

детей? Каким-то словом называли всех маленьких детей?

РС: Шейн эйделе - красивая девочка, а клибер ... - умный мальчик (???) Вот так вот говорили.

Соб.: А вот профессия повитухи, вот акушерки – это было почетно.

РС: Очень.

Соб.: Очень, да?

РС: Очень, очень. Это вообще Бог и царь.

Соб.: Да? Да? То есть вообще так?

РС: Да, я же говорю, ее на бричках возили. И она такая была! Я с ней еще успела поработать, и она такая была вся из себя. Такая, культурная, элегантная. Даже уже глубокая старуха была, но она всегда была как-то особо одета. Красивая женщина была! В смысле, в общем.

Соб.: А, ага. Ну понятно. Одета так.

Соб.: То есть, а когда, например, повитуху хоронили эти дети, которых она принимала, не приходили к ней прощаться?

РС: Может быть домой и приходили, но никто же не говорил. Она умерла так, нету какой-то такой родни ее, ну кто его знает.

Соб.: А говорили, что там покойник является во сне и поэтому называют ребенка?

РС: Я такое не слыхала, нет, я такого не слыхала.

Соб.: Чтоб вот снился, а потом...

РС: Нет, я такого не слыхала, каждый себе называл по своим родственникам.

Соб.: А, угу.

(Приходит внук. РС говорит ему: «Юрочка, зайди, я сейчас подойду».)

[пауза]

Соб.: А когда обрезали ребенка, на какой день? Был ли какой-то специальный день?

РС: По-моему, седьмой день был.

Соб.: Седьмой день, да?

РС: ...насколько я помню, я точно не помню. По-моему на седьмой, по-моему, я не помню точно. Это после выписки из роддома.

Соб.: А!

Соб.: Обрезали, может быть Вы помните, Вашего брата чем обрезали?

РС: Бритва была, такой, такой... Не такие вот, а...

Соб.: Опасной?

РС: Да, опасная. Это я помню хорошо. Меня еще потом (нрзб.)

Соб.: А может быть там какие-то специальные пожелания, что-то говорили?

РС: Ну, пожелания обязательно. Все, кто был, конечно, говорили все и желали. Там и подарки приносили.

Соб.: И подарки? А вот считалось, что нужно каждому принести подарок

или...

РС: Ну.

Соб.: ...или кто как мог?

РС: Ну, кто что мог. Кто приносит, кто не приносит. Такое было.

Соб.: А не было таких может быть тарелок специальных подарки собирать?

РС: Нет, нет.

Соб.: А, во когда ребенка обрезают считается ли, что он как-то ну, подвержен вот сглазу больше? Как-то не говорили?

РС: <кивает>

Соб.: Да, говорили. А есть какие-то средства, чтобы уберечь?

РС: Я вам говорила, я вам говорила. Красная тряпочка. Булавочка.

Соб.: Красная тряпочка?

РС: положить там под подушечку.

Соб.: А может быть какие-то там, я не знаю, специальные, с обрезанием связанные? Может еще какие-то вот?

РС: Нет...

Соб.: Нет?

РС: Я больше нигде это не видела и так что себе не представляю.

Соб.: А вот Вы не знаете, когда ребенка обрезали его отцу отдали или матери? А, Вы говорили, мама была за дверью.

РС: Дали отцу раньше, а он передал маме.

Соб.: А, ага. А после обрезания там какая-то трапеза специальная была, да?

РС: Обязательно, обязательно. Готовила, готовила, всех угощала мама. Мама и пекла и готовила.

Соб.: Ага, ага.

РС: Мама и хлеб пекла.

Соб.: Ага, ага.

РС: Всегда это так было торжественно. Я знала, что когда она печет хлеб, она всегда мне паляничку сделает. Такую, булочку маслом намажет сверху горячую. Масло-то оно крестьянское вкусное, не то, что сейчас в магазине. Вот, она этим маслом как намажет. О, я помню этот вкус. А сейчас вот сама сделаю дома – не то. Не то. И хлеб не тот. И как-то даже и, я помню вот это, (нрзб.). Ну до войны-то я не помню, а во время войны я не ела. А после войны я помню все вкуснее было, чем сейчас. Все вкуснее было.

Соб.: Ага, ага. А вот были какое-то, вот у маленьких детей, когда зубы режутся, что что-то особое надо делать?

РС: Считается, что если нижние – это к жизни, если верхние – то это... не к жизни.

Соб.: А, да... То есть это вот если первые, да?

РС: Если первые – нижние зубки, это к жизни, если первые – верхние, это – к

короткой жизни.

Соб.: А вот что может быть там перед зеркалом нельзя держать пока зубы не...?

РС: Маленьких детей не положено перед зеркалом держать.

Соб.: Вообще нельзя?

РС: Показывать им зеркало нельзя.

Соб.: Да, а почему?

РС: Считают, что там что-то может привидеться плохое.

Соб.: А, ага.

РС: Зеркало – это вообще неизученная вещь, даже ученые не могут объяснить, что оно такое.

Соб.: Угу. А если вот, если колыбель, например, качать там, если без ребенка, можно?

РС: Нет, нельзя.

Соб.: А почему?

РС: Нельзя, значит качают там кого-то вот. Там кого-то...

Соб.: А то есть.

РС: Да. Кого-то неживого.

Соб.: А, кого-то неживого!

РС: Да. Колясочку тоже. Я помню, коляска стояла на улице, и кто-то из детей подошел и стал ее качать **там, такой случай был**.

Соб.: Угу.

Соб.: А вот что-то передавать через колыбель можно?

РС: Нельзя. И ребенка за плечики нельзя брать.

Соб.: За плечики? А почему?

РС: Когда дают ребенка просто надо обязательно лицом, не спиной, а лицом.

Соб.: Да, а почему?

РС: Ну, есть такое поверье, что это плохо для ребенка. Или плохо спать будет, или плохо развиваться. Что это нехорошо.

Соб.: А вот почему через колыбель передавать нельзя?

РС: Тоже нельзя, считают, что это плохо для ребенка.

Соб.: А, плохо для ребенка...

Соб.: А вот когда ребенок, например, первые шаги делает, ну первый шаг, что-нибудь тоже делали или...?

РС: Ну как? В смысле трапезу какую? *(с недоумением)*

Соб.: Нет, ну может быть там что-нибудь говорили, присказки какие-нибудь были.

РС: А, ну это да. Обязательно говорили, обязательно.

Соб.: А вот, а там когда когда у ребенка зубы режутся, если тяжело, например, очень зубы режутся, если он капризничает, делали что-нибудь,

были какие-нибудь средства?

РС: Ну, что делали? Просто массировали.

Соб.: Массировали? А не мазали ничем?

РС: Чем там можно помазать, там ничем не помажешь.

Соб.: А кусать что-нибудь давали ему?

РС: Ну, обязательно давали такую резиновую...

Соб.: А, ага. Колечко резиновое?

РС: Колечко резиновое. Как ложечкой определяли, если зубки растут. Вот плачет ребенок, и не знают почему. Так я помню, как мама значит взяла ложечку и в рот, взяла и постучала. И сразу понятно, об зубки постучала, да.

Соб.: А, ага, понятно. Да.

РС: Вот так делали.

Соб.: А вот если у детей зуб там выпадает, ну там меняются когда...?

РС: Значит, по еврейскому поверью надо обязательно на чердак кинуть этот зуб.

Соб.: На чердак?

РС: Да, и сказать: «Мышка, мышка, на тебе зуб старый, а ты мне дай новый, крепкий».

Соб.: А вот мама Ваша, Вы слышали... Она ведь жива была еще после, когда у нее получается родился внук, когда Ваш сын родился? Она сделала так?

РС: Да мы сами это делали.

Соб.: Сами? А вы говорили на каком, на русском или...?

РС: На еврейском.

Соб.: На идиш, да?

Соб.: Очень интересно. А как на идиш это будет?

РС: «Мазл, мазл, (!!!)».

Соб.: А, ага, понятно. А мама может быть рассказывала Вам на идиш какие-то сказки?

РС: Ну, много рассказывала, рассказывала много.

Соб.: А вот ребенка учили специально ходить?

РС: Ходить?

Соб.: Да, ну как-то специально учили?

РС: Значит, манежей не было. Брали табуретку, переворачивали на пол, ножками вверх, обвязывали там. И ставили его туда, чтобы он там. Он там крутился, вертелся, пока немножко не укреплялись ножки. А потом учили ходить.

Соб.: А если...

РС: Мама рассказывала, что я пошла сама.

Соб.: А сами?

РС: Меня не учили, просто я встала, сидела играла, я встала, игрушка улетела

куда-то, и я встала за игрушкой.

Соб.: Ага.

РС: Так мама говорит, что... «Я как увидела, я остолбенела. Рот открыла и говорить не могу». Вот. А сын у меня тоже рано пошел, в десять месяцев. Правда, я так, взяла, ну сделала такие вожжи, с простыни, и пустила вперед. И он пошел, стал ходить.

Соб.: А вот, а Вы игрушки какие-нибудь свои помните, вот Вы говорите, мама Вам делала?

РС: Игрушек я не помню. Помню только мячик такой был, вот я за ним пошла. Больше ничего. После войны я из тряпочек делала сама игрушки себе, вот. И в каждом углу у меня куколка была. Взяла тряпочку и скрутила куколку. Мама говорит, даже в спичечных коробочках у меня были куклы.

Соб.: Да, ага. А вот Вы может быть сами, или Вам мама пела какие-нибудь колыбельные? Не помните?

РС: Пела такие песни, советские.

Соб.: Советские?

РС: Советские песни, да.

Соб.: И она на русском пела, да?

РС: На русском пела и на еврейском тоже много. Ну, например, «Варночкис» она на еврейском пела.

Соб.: А «Варночкис» это какая там...?

РС: Это там пишется, поется, как же? Как же там начинается? (*вспоминает*). Во-первых она пела мне «А шейне эйделе», была песня такая.

Соб.: «А шейне эйделе» - красивая девочка?

РС: «А шейне эйделе» - была песня, «Красивая девочка», мама мне пела (*напевает*). «Варночкис», вот такая песня была. Вот. Я ее знала эту песню, я ее пела часто, а потом я забыла ее, потом я ее забыла. Вот, так она мне эту песню пела. Ну и конечно же после войны это же все пели эту песню «Папиросы». «Купите папиросы...», вот такую песню. Мы ее уже пели сами.

Соб.: Это примерно уже в каком возрасте получается?

РС: Э-э, пятнадцати лет.

Соб.: А, ага.

РС: Уже большие. Мы уже сами пели эту песню. Вот, потом однажды, я училась в Виннице, я услышала э-э... Зашли мы, поехали на соревнования (я была спортсменка по полевой стрельбе), вот и мы когда вернулись в Винницу, нас завели в ресторан на ужин значит, мы ж первое место заняли. Вот. Так я впервые там услышала там, еврей играл на скрипке в ресторане и он пел эту песню. Это я впервые услышала, что она так, как бы вышла на люди эта песня. А то мы ее пели так втихаря. Было ж время, что преследовалось это, нельзя было. Всего этого же не было.

Соб.: Ага. А вот...

РС: Потом еще... в лагере песню пели, помню немножко. (*Поет*) Перевод Вы поняли?

Соб.: Ага, не все, немного...

РС: Рассыпаны и **раскинуты** по всем углам, по всем углам. Загнаны на тот берег реки и мне помнится, и тянет меня домой, хоть на дом свой посмотреть. Вот такой перевод.

Соб.: А Вы не знаете откуда эта песня?

РС: Это там люди жили, и придумали, там долго. Но она длинная, очень длинная, я пою вот это немножко, но я, конечно, ее знала. Потому что мы ее пели там. Ну, музыку я не... Мама мне еще пела такую песенку **«Папироне киндер»**, значит э-э... «Бумажные дети». Очень грустная песня, что все дети, я не помню, или поумирали или их, они убиты были во время войны. Вот, и только остались фотографии.

Соб.: Угу, а-а. Да.

РС: Значит, бумажные дети. Вот это она мне пела. Тоже я ее знала, тоже забыла. Вот эту значит, что с этой, с этой учебы, что я уехала в Винницу, все позабывалось. А потом работа, все русскоязычное. И так как-то оно все отошло, отошло, тем более что отчим умер раньше, мама умерла позже. Вот. И как-то эти традиции как бы остались у нас, ну это вот праздники.

Соб.: Ага.

РС: Вот. Каждый год мы ездим в Печору. Вот так. На поминальные дни мы ездим туда.

Соб.: А какие поминальные дни у вас?

РС: Осенью, в период этот надо посетить.

Соб.: А как-то называется период этот?

Соб.: Вот у вас в семье как-то называли?

РС: Сейчас скажу. **Эвервос. Эвервос**. Мы обязательно ездим в Печору, ходим сюда на кладбище. Мама у меня и отчим тут, на этом кладбище.

Соб.: Здесь на старом?

РС: На старом, да. И мама, и все. **Ходим весной**.

Соб.: Осенью, а еще когда? Второй раз?

РС: Иногда ездим перед, на день победы.

Соб.: А, на день победы.

РС: Да. Раньше мы еще ездили 14 ава, вот в (**нрзб.**)

Соб.: Вот, а мама когда Ваша, она ходила на кладбище? Она Вас с собой брала?

РС: Ну а как же. А как же! **Но мы ж были тогда маленькие**, но вообще-то у евреев детей маленьких на кладбище не берут.

Соб.: Не берут?

РС: Нет, не положено и все.

Соб.: Ясно. А есть ли такое, ну вот всем можно на кладбище ходить? Вот детей не берут, а еще кто-то?

РС: Всем можно.

Соб.: Всем можно?

РС: Конечно.

Соб.: А если вот, например, ну говорят, что вроде бы если родители у человека живы, то ему не стоит на кладбище ходить?

РС: Сейчас ходят.

Соб.: Сейчас ходят? Да?

РС: Сейчас ходят. Это раньше не ходили. И дети не ходили, да. Говорили: «Папа-мама живы – сиди дома».

Соб.: А то есть вот «папа-мама живы...»?

РС: Да, сиди дома.

Соб.: А вот по-еврейски говорили эту фразу или по-русски, обычно как?

РС: Кто как.

Соб.: Кто как?

РС: Да, кто как.

Соб.: А вот ребенок, когда начинает говорить, его учат каким-то первым словам? Или вот, что говорят?

РС: По-еврейски или по-русски? Или не имеет значения?

Соб.: Нет, как вот вы учили, как Вы помните, или как Вас? Как Вы учили ребенка?

РС: Сам научился. Книги читали детям.

Соб.: А рассказывали что-нибудь, может сказки какие-то детям?

РС: А как же?

Соб.: Да? А какие?

РС: Все, какие только мы знали. Мы все рассказывали.

Соб.: Да? Может быть Вам мама какую-то рассказывала? Не помните?

РС: Мама рассказывала, не помню. Много рассказывала. Она больше рассказывала о жизни своей. Вот, как она в одиннадцать лет пошла работать. Она приписала себе три года, что ей четырнадцать. Пошла она, значит, швеей работать. Научили ее шить. Потом она выбилась как-то, уже была белошвейкой. Она уже хорошо умела шить. Вот. И рассказывала, что... у нее очень были красивые руки, и эта хозяйка все подходила и говорила: «Марьян, ... - покажи свои ручки» (*переводит*). Она говорила, что у нее очень пышные такие, красивые ручечки были. Вот, потом она, когда больше стала, пошла на швейную фабрику, там стала работать. Вначале она работала швеей, потом она выбилась в мастера, она была выдвиженка фабрики, в мастера. Мастер цеха, потом она была начальник цеха. Вот, перед самой

войной директор ее оставил на швейной, значит. Это не эта швейная фабрика, а там была швейная фабрика, где «Аксолит» магазин. Маленькая швейная, и так она построена, вокруг такая терраса была, двухэтажная. Небольшая была. Вот. Так там перед войной уже стали шить военное обмундирование, и директор эвакуировался, сказал ей, что он едет там по делам работы. И оставил ее. И тут, уже немцы были в (нрзб.), это пятнадцать километров от Тульчина, на станции. Так позвонили: «Немедленно сжечь», значит швейную, все это оборудование. Мама еще участвовала в поджоге швейной и в поджоге магазина напротив, он сейчас реставрируется, там на углу. Напротив э-э...этой ресторана, там ремонт идет. (нрзб.) Значит мама участвовала в поджоге. А потом на лошадях давай эвакуироваться. Куда? Немножко проехали и попали в окружение. Вот.

Соб.: А вот Ваша семья, вот семья деда там, до войны считалась там богатой или вот...?

РС: Нет.

Соб.: Нет? А вот она, ей...?

РС: У них было пятеро детей, вот. Пять девочек и шестой мальчик, который в молодом возрасте попал под дедов фаэтон.

Соб.: Под фаэтон?

РС: Он играл с этим так, то есть дергал этот фаэтон и так, его задавило. Вот. Так мама рассказывала, что бабушка взяла все его вещи, вот, пошла к речке и все вещи резала на кусочки и по реке пускала.

Соб.: Да?

РС: Почему так – я не знаю. Вот все его вещи на кусочки разрешила и все-все пустила. А то было – сжигают.

Соб.: Сжигают, да?

РС: Все сжигают. Мамины похороны были, я сжигала сапоги. (нрзб.) Я все тоже сожгла.

Соб.: А почему это делается?

РС: И своим говорю, смотрите, чтобы мои вещи сожгли, никому ничего не давали.

Соб.: А почему?

РС: Ну говорят, что ходят по голове.

Соб.: А то есть ходят по голове!

РС: Да. Если это значит обувь носить, то.

Соб.: А одежда вот, которая от...?

РС: Одежду можно.

Соб.: Можно, да?

РС: Можно. Одежду можно, да, но обувь ни в коем случае, а бабушка почему-то порезала все. Она все водой пустила. Все пустила.

Соб.: А маленький был он, да?

РС: Да, да. Еще малый был. А эти, значит, пять маминых сестер все были в Печоре. Так одна сестра там осталась и у нее тоже пятеро детей там остались. У второй, значит, дочка и сын там. Сын был проводник. Ему было шестнадцать лет.

(Пришел ее сын, она обращается к сыну: «Сашенька, зайди я сейчас».)

Ему было пятнадцать *(поправляется)* шестнадцать лет. Он был проводником. Значит, и что там обозначал проводник? Он выводил в гетто. В гетто было проще. А в концлагере это, там ни воды, ни еды, ни жизни, ничего. Вот. И *(нрзб.)*. Так он где-то лазал, шел, выводил и его поймали полицаи. Полицаи были хуже, и хуже немцев были. Поймали его полицаи и расстреляли. У нее вот Яков, сын был *(нрзб.)* ребенок. Вот, она потеряла сына, потеряла маленькую дочку, и еще одну сестру. Вот.

Соб.: Спасибо. Тогда мы сейчас...

РС: Да, пришли. На обед пришли.

PAGE

PAGE 1